

Хань Хэн, вопреки видимости, вовсе не был наивным простаком. Он велел Би Гэню выкупить у местных торговцев живым товаром нескольких слуг с чистым прошлым. В этих краях работорговля велась вполне открыто и законно. Из четырёх приведённых мальчишек Хань Хэн отобрал двоих — опрятных и смышлённых на вид.

— Как звать? — спросил он.

Би Гэнь тут же услужливо протянул две купчие. Год, месяц и час рождения, а также уездная приписка были выведены чётко и ясно. Оба оказались родом из Аньчжоу. Где находился этот уезд, Хань Хэн понятия не имел, а потому лишь мазнул взглядом по бумагам и сунул их в первую попавшуюся книгу, чтобы не мешались.

Мальчишки робко ждали расспросов. Один из них, посмелее, метнул на Хань Хэна быстрый взгляд из-под опущенных ресниц. Заметив, что новый хозяин хоть и не лучится радушием, но держится лениво и расслабленно — явно не из тех, кто забивает слуг до смерти, — он решился ответить за обоих:

— Ваш ничтожный слуга — Сун Сань, а это младший из семьи Доу. Мы из одной деревни, господин.

— Они всю дорогу держались вместе, — негромко добавил стоявший рядом Би Гэнь. — Словно родные братья. Так, помогая друг другу, и добрались до столицы.

Хань Хэн задумчиво прищурился и поправил полы халата, усаживаясь поудобнее.

— И далеко ли этот ваш Аньчжоу?

Сун Сань вытянул шею и на миг закатил глаза, словно что-то подсчитывая, после чего серьёзно ответил:

— Ваш ничтожный слуга вёл младшего брата Доу без роздыха, мы и днём и ночью шли. Только через полсезона до столицы добрались.

«Дорога неблизкая, — мысленно прикинул Хань Хэн. — Наверняка проходили мимо десятков уездов и крупных городов, но упорно брели именно сюда. Странно всё это».

Он негромко постучал пальцами по столу:

— Чего дома не сиделось? Зачем в столицу подались, да ещё и в кабалу решили продаться? Вы вообще вольны собой распоряжаться? Если завтра ваши родители явятся к моим воротам с криками, я вас просто вышвырну.

Сун Сань испуганно побледнел и повалился на колени, увлекая за собой застывшего спутника. Они принялись истово бить поклоны, так что на лбах быстро проступили багровые отметины. Наконец он вскинул заплаканное лицо:

— Помилуйте, хозяин! Ваш ничтожный слуга рос без материнской ласки, а отец мой — пропащий картёжник. Младший братец Доу и вовсе круглый сирота, за душой никого. Когда мы уходили, мой папаша уже полгода дома не появлялся. Жить стало невмоготу, вот мы и решились попытать счастья в столице. Видно, боги сжалились над нами: едва мы покинули родные места, как пришла весть, что Аньчжоу пал под натиском мятежников, а уездный судья повесился прямо в своей управе. Не уйди мы тогда — сгинули бы голодной смертью, кому до сирот дело?

От этого сбивчивого лепета у Хань Хэна разболелась голова. Сколько он ни жил в этом мире, к местному словесному этикету привыкнуть не мог. Вроде бы говорили на одном языке, но этот цветистый слог с вечными самопринижениями всякий раз вызывал у него глухое раздражение.

— Ну а у младшего-то имя есть? — вздохнул Хань Хэн. — Не звать же мне его каждый раз: «Эй, последыш семейства Доу, а ну поди сюда!»

Би Гэнь прыснул в кулак, не удержавшись от смешка. Хань Хэн предостерегающе зыркнул на слугу. Тот, впрочем, ни капли не испугался, но приличия ради вытянулся в струнку и замер с самым благообразным видом.

Сун Сань на мгновение опешил, а когда до него дошло, что их оставляют, принялся истово благодарить небо. Он заставил своего молчаливого, простоватого приятеля трижды коснуться лбом пола, а затем слёзно взмолился, чтобы молодой господин даровал младшему новое имя.

С тех пор как Пэй Цзя очутился в этом теле, судьба сводила его исключительно с влиятельными вельможами, коварными интриганами и записными красавцами, на фоне которых он сам казался ничтожеством. И лишь сейчас он впервые по-настоящему ощутил себя господином, вершащим чужие судьбы.

Он задумчиво потёр подбородок и скользнул взглядом по комнате. Он заметил стоявшее у окна раскидистое денежное дерево, чья сочная зелень легонько покачивалась от сквозняка.

— Будешь Чжао Цай, — изрёк Хань Хэн.

«Призывающий богатство» — имя пришлось как нельзя к месту. Сейчас Хань Хэну как воздух нужны были деньги. Слухи, ползшие по столице в последние дни, ясно давали понять: тучи сгущаются, пахнет большой войной. Чтобы выжить в грядущей буре, требовалось сколотить приличное состояние — как минимум такое, которого хватит, чтобы увезти из города мать прежнего владельца этого тела. Деньги лишними не бывают, с ними и дышится легче, и спится спокойнее.

— Благодарим за великую милость, хозяин! — наперебой затараторили мальчишки, снова склоняясь в поклоне. Младший, Чжао Цай, говорил совсем детским, тоненьким голоском.

Почти полмесяца Хань Хэн безвылазно провёл на репетициях со своей наспех набранной труппой. Согласно его задумке, танцовщицы перестроили ряды так, чтобы Хань Фэн шёл во главе процессии, занимая самое заметное место в самом центре сцены.

— Только учти: тебе придётся облачиться в женское платье и уложить волосы на девичий манер, — предупредил его Хань Хэн при личной встрече.

Они виделись наедине всего пару раз. После первой же беседы Хань Хэн зарёкся приглашать названного брата к себе в покои — не дай бог об этом прознает Чжуан Лин. Этот бешеный ревнивец, едва почуяв неладное, при первой же возможности впивался в его губы мёртвой хваткой, выцеловывая до крови, точно голодный пёс, грызущий кость.

— Как прикажете, старший брат, — покорно отозвался Хань Фэн, скромно опустив глаза.

На взгляд Хань Хэна, парень был типичным неженкой, но таланта у него не отнимешь — двигался он божественно. Если уж суждено Хань Фэну блистать в женском амплуа, у остальных местных прим просто не останется шансов.

— На этот раз в Башне Слушания Лебедей соберётся исключительно изысканная публика. Не знаю, пригласил ли Му Жань твоего господина Ли, — списка гостей Хань Хэн пока не видел, хозяин заведения явно до последнего утрясал этот деликатный вопрос. — Но даже если он явится, не бойся. Под слоем белил и сурьмы он тебя ни за что не признает. Впрочем, позвал я тебя ради другого разговора.

Хань Фэн робко вскинул влажный, миндалевидный взгляд — формы точь-в-точь как у самого Хань Хэна. Он нахмурился, и во взоре сквозила затаённая тревога.

Хань Хэн неторопливо растёр щепотку свежих чайных листьев, засыпал их в глиняный чайник, ополоснул чашки крутым кипятком и слил первую заварку. Насыщенно-зелёные чаинки медленно кружились в прозрачной воде, то поднимаясь к поверхности, то вновь опускаясь на дно. Подобное неспешное действие всегда действует на нервы тем, у кого нечиста совесть. Боковым зрением он прекрасно видел, как Хань Фэн так и извивается на стуле, словно под ним лежали раскалённые угли.

Наконец он наполнил пиалу и протянул гостю, промолвив с самым будничным видом:

— Раз уж мы с тобой одной крови, а тебе довелось натерпеться лишений на чужбине, теперь, когда мы воссоединились, мне следовало бы получше позаботиться о тебе. Да только

закрутился я с этими репетициями, порой и поесть некогда — перехвачу лепёшку на бегу и доволен. Вчера вот спохватился, расспросил слуг и узнал, что в Саду Сюэ ты не появляешься. Где же ты приклонил голову все эти дни?

Голос Хань Хэна так и лучился братской заботой. Разумеется, он притворялся: его люди давно выяснили, что Хань Фэн устроился под крылом у князя Жуя, причём въехал в его роскошное поместье ещё за пару дней до своего визита в Сад Сюэ.

Хань Фэн испуганно втянул голову в плечи и после долгого, мучительного молчания выдавил сквозь зубы:

— Господин Ли... преподнёс меня в дар старшему сыну князя Жуя...

Хань Хэн прищурился, лениво покачивая пиалу в пальцах. От его взгляда не укрылось, как густо покраснели уши и щёки названного брата. Что и говорить, вид у парня был невероятно соблазнительный — любой любитель мужской красоты тут же растаял бы от нежности и бросился укутывать это хрупкое создание заботой.

Вот только самого Хань Хэна от подобной жеманности тошнило. Его мужское естество откликалось исключительно на Чжуан Линга — с его рельефной, литой грудью, внушительным членом и первобытной, дикой маскулинностью, от которой веяло силой и опасностью.

— Твой господин Ли — это ведь заместитель министра обрядов Ли Пэй?

Хань Фэн вздрогнул всем своим костлявым телом и едва заметно кивнул.

Всё сходилось. В голове Хань Хэна мгновенно выстроилась весьма забавная цепочка умозаключений, и он невольно лукаво усмехнулся. Как раз в этот момент Хань Фэн поднял на него полные влаги глаза и тихо позвал:

— Старший брат...

Заметив это робкое замешательство, Хань Хэн вскинул бровь:

— Говори уже, не мнись как девица.

Хань Фэн поспешно опустил голову. Глубоко внутри него klokотала ядовитая зависть, но он лишь молча комкал пальцами подол своего дешёвого халата.

— На самом деле... я бы с радостью перебрался к тебе, брат. Да только молодой княжич Чжуан наотрез запретил мне это делать.

Чжуан Лин действительно велел Ивэю припугнуть парня, чтобы тот держался от Сада Сюэ подальше, однако в слащавой интерпретации Хань Фэна этот приказ приобрёл совершенно иной смысл. Хань Фэн бросил на Хань Хэна кокетливый, полный скрытого торжества взгляд:

— Знаешь, братец... мне кажется, молодой княжич по-настоящему ко мне привязался. Он совсем не такой, как господин Ли, который обошёлся со мной как с безделушкой. Княжич пылинки с меня сдувает, дорожит мной. Он...

Хань Хэн слушал этот лепет с ледяным спокойствием, внимательно разглядывая новоявленного «братца». Внешне тот действительно походил на юношу с портрета, принесённого когда-то стариной Чжу, но вот внутренне... Никакого сходства. На картине был изображён отстранённый, недостижимый небожитель — одно прикосновение к его одеждам казалось святотатством, достойным кары небесной. А перед ним сидело нечто приторное, писклявое, жеманно прячущее ладони в рукава. От одного этого зрелища Хань Хэна начинало подташнивать. А уж когда он уловил, к чему клонит этот интриган, внутри у него вспыхнула самая настоящая ярость. Впрочем, натренированное лицо актёра осталось безупречно спокойным.

«Определённо, я хорош не только смазливой мордашкой, — усмехнулся про себя Пэй Цзя. — Моё оружие — чистый талант»

— Молодой княжич так нежен, так заботлив... — Хань Фэн застенчиво потупился, а его мочки ушей порозовели так сильно, словно вот-вот брызнут кровью. — А уж в постели он просто бог. Куда там старому господину Ли... Силищи в нём немерено, может хоть всю ночь напролёт ласкать, никак не насытится.

Хань Хэн резко поднялся. Горячий чай плеснул прямо ему на халат, но он даже не поморщился.

— Старший брат? — Хань Фэн захлопал ресницами, изображая полнейшее недоумение.

Хань Хэн холодно усмехнулся. Он вскинул брови, едва заметные на уродливой маске:

— Подобные постельные откровения придержи при себе. Мне до ваших забав дела нет.

Пальцы Хань Хэна, скрытые в широких рукавах, мелко подрагивали от бешеного, удушливого гнева. Но уже в следующий миг он заставил себя успокоиться.

«А ведь и правда, какое мне до этого дело? — подумал он. — Мы друг другу никто».

По местным меркам Чжуан Лингу шёл двадцать шестой год — почтенный возраст, в котором приличные люди давно обзаводятся гаремом из жён и наложниц. В том, что он спит со слугами, не было ничего удивительного. Но вот то, что этот мерзавец одной рукой уламывал

Хань Хэна, а другой без зазрения совести тискал подsunутого ему мальчишку, переходило все границы.

В голове Хань Хэна мгновенно созрел изящный план. Обернувшись, он снова нацепил свою привычную ленивую полуулыбку:

— Ступай обратно и хорошенько готовься к выступлению. Обещаю, после этого вечера о тебе заговорит вся столица. Да, и вот ещё что: на следующий день после представления мы уладим все дела и соберёмся за семейным ужином. Моя матушка очень хочет на тебя посмотреть.

В глазах Хань Фэна промелькнула едва заметная тревога. Однако погружённый в свои мысли Хань Хэн этого не заметил.

Последующие дни Хань Хэн ходил чернее тучи, готовый придушить Чжуан Линга при первой же встрече. Наверное, к лучшему, что тот вообще перестал появляться в Саду Сюэ.

Княжич не казал носа уже пять дней. Хань Хэн лишь облегчённо вздыхал, а вот Би Гэнь извёлся от беспокойства. Поздним вечером, натаскав горячей воды для купания хозяина, верный слуга так и остался стоять у кадки, сиротливо переминаясь с ноги на ногу.

Опустившись в обжигающую воду, Хань Хэн прикрыл глаза, блаженствуя от того, как тепло проникает в каждую клеточку тела. Но стоило ему разомкнуть веки, как он едва не выпрыгнул из купели: прямо над ним, вытянувшись безмолвным призраком, стоял Би Гэнь.

— Мать твоя женщина! Ты чего тут торчишь?! — Хань Хэн испуганно отшатнулся, расплескав воду.

Его и без того изводили ночные кошмары, а тут ещё глухая ночь, холод, полумрак купальни и бледная, как у покойника, физиономия слуги. Настоящее наваждение.

— Прочь, прочь с глаз моих! — в сердцах прикрикнул Хань Хэн. — Сам справлюсь. Чуть до кондрашки не довёл, дурак!

— Хозяин... — Би Гэнь заискивающе улыбнулся, преданно заглядывая ему в глаза, точно провинившийся щенок.

— Выкладывай уже, чего зубы скалишь.

— Хозяин, молодой княжич уже столько дней не заглядывал... А ведь завтра у вас такое важное представление. Может, велите послать ему приглашение?

— Важное представление, говоришь? — зловеще протянул Хань Хэн.

Он резко повернулся к слуге и округлил глаза. Его уродливая, покрытая бурой маской физиономия в неверном свете свечей выглядела столь жутко, что бедный Би Гэнь с перепугу поскользнулся на мокром полу и шмякнулся задом прямо в лужу. Он тут же вскочил, отряхиваясь и испуганно икая.

— Если этот господин входит в число гостей, Башня Слушания Лебедей и без меня отправит ему приглашение! С какой стати я должен лично перед ним распластываться? — Хань Хэн повысил голос. Тепло воды разнежило его, иначе он бы точно отвесил слуге подзатыльник, чтобы выбить дурь из головы.

— Молодой княжич — птица высокого полёта, он наверняка в списках, — забормотал Би Гэнь, оправдываясь. — Но он ведь редко балует подобные сборища своим присутствием. Вот если бы вы, хозяин, позвали его сами, он бы точно пришёл...

Хань Хэн прищурился и загадочно, пугающе улыбнулся. В купальне словно пахнуло сквозняком, и у Би Гэня побежали мурашки по спине.

— Обойдётся. Захочет — придёт, нет — скатертью дорога. Всё равно я приготовил для него особенный подарок. Вот разгребу дела, и если не вытрясу из этого кобеля всю душу, то грош мне цена!

Даже спустя несколько дней воспоминания о хвастовстве Хань Фэна заставляли Хань Хэна скрежетать зубами от злости.

«Ах, значит, он у нас неутомимый любовник? Всё ему мало? — бушевал в душе Пэй Цзя. — За всю мою прошлую жизнь, когда у меня на вейбо были миллионы реальных подписчиков без всяких накруток, никто не смел так нагло крутить мне динамо! Поиграл и переключился на другого? Ну погоди, сучонок, я тебе устрою такое представление, что век не забудешь!»

<http://bllate.org/book/20487/2214671>